

ния различных категорий в различных языках), и, наконец, в том, что действие грамматических правил и законов распространяется на строго определенные разряды слов, т. е., иными словами, в том, что в каждом языке наблюдается твердый порядок сочетаемости грамматических элементов с определенными лексическими элементами. Яркий пример подобной сочетаемости приводит акад. В. В. Виноградов. «Категория вида,— пишет он,— в современном русском языке, будучи продуктом длительной абстрагирующей работы русского народного мышления, выражает качественные различия двух аспектов одного и того же действия — действия в его пределе, результате и действия в его течении, не ограниченном идеей внутреннего предела. Бóльшая часть русских глаголов имеет два соотносительных ряда форм — совершенного и несовершенного вида, например, *дать* — *давать*; *делать* — *сделать* и т. п. С категорией вида связан сложный аппарат глагольно-видового формообразования. Каждый глагол непременно подводится под категорию вида и каждое действие мыслится в том или ином своем видовом качестве. В этом отношении категория вида достигла высшей степени обобщенности, преодолев сопротивление конкретно-лексического материала. Однако многие лексические разряды русских глаголов не имеют парных видовых форм. Это обстоятельство прежде всего зависит от лексических значений глаголов и от их исторического прошлого. Кроме того оно связано с особенностями глагольного словообразования. Так, категория глагола у нас активно пополняется образованиями от именных основ, и далеко не все типы этих отыменных глаголов — в силу своих лексических значений — могут сочетаться с приставками, способными стать видовыми префиксами. Например: *графить* — *разграфить*; *телеграфировать* — *протелеграфировать*; *либеральничать* — *пролиберальничать* или *налиберальничать*; ср. *кустарничать* и т. п.»¹⁴ Исследование языкового материала свидетельствует, что «разные грамматические категории показывают разные степени абстрагированности от частного и конкретного, и грамматика, рассматривая эти категории в их живом движении, во всех формах их выражения, не может уклониться от определения самого характера охвата ими лексического материала»¹⁵.

Роль, которую выполняет грамматика в системе языка объясняет ее устойчивость и колоссальную сопротивляемость внешним воздействиям. Будучи выражением наиболее общих элементов языка, грамматическая структура вместе с тем служит основанием, на котором строится все здание языка. Нельзя перестроить фундамент здания, не разрушив самого здания. Но вместе с тем грамматическая структура языка оказывается и наиболее защищенной от внешних воздействий частью языка. К грамматической структуре языка нет прямого доступа посторонним элементам. К ней можно попасть только через связанную и последовательно переходящую друг в друга систему языковых единств все более и более высокого порядка абстракции.

Подобный, так сказать, план построения языка, общий в основной своей схеме для всех языков, но различный в своем конкретном выражении, обеспечивает языку его огромную устойчивость, увеличивающуюся в тех его деталях, которые относятся к самым основным, самым существенным и самым общим его частям.

Конкретное воплощение этого общего плана его построения создает историческое и национальное своеобразие языков.

Поскольку этот вопрос может быть решен только в аспекте указания И. В. Сталина на тесную связь развития языка с историей народа — носителя этого языка, неизбежно возникает проблема форм связи различных элементов языка с историческими условиями его существования.

¹⁴ В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, 1950, стр. 44.

¹⁵ Там же.